

## ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ В ПОЭЗИИ ИРЛАНА ХУГАЕВА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Т.А. Плотова  
В.И. Синянская

В статье представлен анализ целенаправленного индивидуально-авторского варьирования фразеологических единиц в поэзии Ирлана Хугаева. В процессе постоянного употребления фразеологические единицы теряют значительную долю первоначальной экспрессивности, в то же время окказиональное употребление — стилистический прием, позволяющий придать фразеологическим единицам новизну и яркость, большую выразительность речи. В современных лингвистических исследованиях неоднократно отмечается, что индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц являются эффективным приемом не только оживления их внутренней формы, но и раскрытия семантического потенциала входящих в них компонентов. Окказиональное употребление фразеологизмов, таким образом, реализует их потенциальные выразительные качества. Выявление характерных фразеологических трансформаций, в большей степени отвечающих интенциям автора, позволяет выделить две формы окказионального использования фразеологических единиц в текстах И. Хугаева — актуализацию и трансформацию фразеологизмов, в результате чего создается определенное эмоциональное воздействие на читателя. В процессе анализа фраземики поэтических текстов Хугаева показано своеобразие идиостиля писателя, стремящегося уйти от стандартности фразеологической семантики к усилению экспрессивного звучания фразеологических единиц, обновлению и усилению их философского смысла, поэтому отличительная черта использования фразеологических единиц в поэзии Ирлана Хугаева — большое количество модифицированных фразеологических единиц. Можно выделить широкий спектр семантических и структурно-семантических преобразований фразеологизмов, которые в поэзии И. Хугаева выполняют художественно-эстетические функции и являются ярким изобразительно-выразительным средством. Наряду с отмеченными функциями отмечается и глубокая афористичность фраземики поэзии Ирлана Хугаева, которая обогащает его поэзию дополнительным смыслом и глубоким подтекстом.

**Ключевые слова:** фразеологические единицы, индивидуально-авторское варьирование, фразеологические трансформации, контекстное преобразование, актуализация семантики.

*The article represents the analysis of the individual variation of phraseological units in the poems of Irlan Khugaev. Phraseological units frequently and habitually used in speech tend to lose their primary expressivity, whereas their occasional and creative transformation forms stylistic devices that revive their novelty and originality. In modern linguistic researches it has repeatedly been noted that the individual author's transformation of phraseological units is an effective technique not only to revive their inner form, but to disclose the semantic potential of their constituent components. As such, the occasional usage of phraseological units intensifies their potential creative qualities. Identification of phraseological transformations, that accord to the author's intentions, allows distinguish two forms of occasional use of phraseological units in the poems of Irlan Khugaev: their actualization and transformation, which create an emotional impact. The present analysis of phraseological composition in the poetry of Irlan Khugaev has revealed the writer's stylistic idiosyncrasy that resists standardized phraseological semantics and aims at enhancing the expressiveness of phraseological units, and renovating and strengthening their philosophical meaning.*

*therefore, a distinctive feature of the use of phraseological units in the poetry of Irlan Khugaev — a large number of modified phraseological units. It is possible to allocate a wide range of semantic and structural-semantic transformations of phraseological units, which in the poetry of Khugaev perform artistic and aesthetic functions and become vivid figurative-expressive means. Along with the above-mentioned functions the profound aphoristic nature of the poetry of Irlan Khugaev should be marked, which enriches his poetry with additional connotations and deep implications.*

**Keywords:** *phraseological units, individual authorial variation, phraseological transformations, transformation in context, actualization of semantics.*

Проблема индивидуально-авторского преобразования фразеологических единиц в художественной речи по-прежнему является одной из актуальных проблем современной фразеологии. Как справедливо отмечают А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, «словарная разработка индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц поможет оценить художественное мастерство писателей, проявляющееся в творческом применении языковых образов» [1, 4]. В последние годы трансформация фразеологизмов очень активно рассматривается в работах многих ученых-фразеологов [Н.Ф. Алиференко, И.Р. Белякова, Л.В. Зубова, В.А. Лебединская, Н.Г. Михальчук, Е.Г. Озерова, И.Ю. Третьякова, М.А. Фокина, А.М. Чекасова и др.]. В исследованиях лингвистов неоднократно подчеркивается, что авторские преобразования фразеологических единиц являются одним из способов «выведения фразеологических оборотов из автоматизма восприятия, оживления их внутренней формы, раскрытия семантического потенциала входящих в них компонентов» [2, 59]. Несмотря на то, что фразеологические единицы всегда имеют постоянный состав и структуру, определенное значение, в речи нередко наблюдаются различные преобразования значений и формы фразеологизмов, обусловленные, прежде всего, пластичностью и ди-

намичностью данного пласта лексики. В письменной и устной речи фразеологические единицы употребляются как узально, отвечая принятым нормативным правилам употребления (нормативно), так и окказионально, не соответствуя общепринятому употреблению. «Окказиональное значение — это значение, приданное данному слову в данном контексте речевого употребления и представляющее собой известный отход, отступление от обычного и общепринятого» [3, 163]. «В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [4, 148]. Проблема индивидуально-авторского преобразования фразеологических единиц является достаточно многоаспектной и предполагает изучение возникновения и употребления таких фразеологических образований как результат коммуникативно-мыслительной деятельности автора. Приемы и способы трансформации фразеологических единиц как следствие творческого акта писателя на сегодняшний день не имеют единой общепринятой классификации. Вместе с тем, в теории вопроса о варьировании фразеологических единиц ученые едины во мнении о существовании двух видов преобразований. Первый касается внутриси-

стемных, то есть узувальных изменений, а второй — индивидуально-авторских, окказиональных. Такой подход можно считать оправданным, поскольку он связывает указанные виды фразеологических трансформаций с понятием нормы, то есть любые преобразования фразеологической единицы могут иметь место лишь на базе языковой нормы. Каким бы изменениям не подвергалась фразеологическая единица в речи, она, «в конечном счете, не может выйти за пределы того, что потенциально заложено в ее семантической структуре, и каким бы приращением смысла она ни подвергалась, они всегда мотивированы либо потенциальными семантическими признаками самой единицы, либо «чрезвычайными» условиями ее функционирования». Иными словами, «обновленный фразеологизм — это форма его речевой актуализации как языкового знака» [5, 31].

Материалом нашего исследования явилось поэтическое творчество известного поэта Осетии Ирлана Хугаева [6]. Изучение фразеологии в поэзии Ирлана Хугаева является не случайным. Его оригинальное поэтическое творчество является богатейшим источником для лингвистических исследований и нуждается в глубоком и тщательном изучении.

Цель данной статьи — анализ контекстуальных трансформаций фразеологических единиц в поэзии Ирлана Хугаева, описание семантики и функционирования трансформированных фразеологизмов в их отношении к авторской индивидуальности, которая обуславливает не только характер преобразования фразеологических единиц, но и способы вербализации художественного мышления автора.

Функционируя в поэтическом тексте, фразеологические единицы подобно другим единицам языка, приобретают ряд особенностей. Для фразеологизмов это прежде всего образность и эмотивность. Хугаев ценит фразеологизм как наиболее выразительное средство передачи информации, который превосходит слово своей смысловой, стилистической и экспрессивной информативностью. В образной системе поэтического текста Хугаева фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые выражения занимают значительное место, представляя собой готовые образы-штампы: *Что посеешь — то пожнешь/Если рожь — то будет рожь/*(«Сорняки и злаки», с. 201); *Зверь не тот, что был: зачах/И дошел до ручки/*(«Лесные стансы», с. 130-132); *Бетховен был, вы скажете, глух./Возможно, глуше иных старух/Но на старуху/тоже бывает проруха* («Награда», с. 163); *Осмеял мечту свою,/наломавши дров/*(«Горизонт», с. 119); *И звенел стеклом пришедший Новый,/и смеял счастливые тосты,/И в карман не лез за словом,/И со всеми был на ты/*(«Премственность», с. 43-44); *Но дело было в том, признаться,/что Титус начал забываться./Чем дальше в лес — тем больше дров/*(«Титус Бес», с. 122); *Жена о муже/Тоскует дюже./Муж о жене/Тоскует вдвойне./Муж и жена — /Одна сатана/*(«Сатана», с. 218) и др. Однако поэт в поисках более экспрессивных средств выражения стремится расширить эмоционально-воздействующие возможности фразеологических единиц и усилить их функционально-стилистическую значимость, что влечет за собой различные виды авторской модернизации фразеологических оборотов. В зависимости от характера авторской обработки фразеологических единиц в поэзии Хугаева

можно выделить два основных способа: актуализацию и трансформацию фразеологизмов.

Актуализация фразеологических единиц в стихах Хугаева прежде всего связана с морфологическими преобразованиями фразеологических единиц. Это нормативные видоизменения грамматической формы компонентов фразеологических оборотов в пределах морфологической парадигмы. Обычно парадигматические формы закрепляются за каким-нибудь одним компонентом фразеологизма, остальные компоненты, как правило, употребляются в неизменной грамматической форме. При этом во фразеологизм могут быть введены субстантивные, адвербиальные, прономинативные, атрибутивные слова-конкретизаторы, способствующие не только актуализации составных частей фразеологической единицы, но и оживлению всего воспроизводимого образа: *Поставить вопрос ребра ребром — /такая вера стоит не много./Женищина — это дом./Мужчина — это дорога/*(«Порядок», с. 162); *Если нет ни Там, ни Потом,/Если есть лишь Здесь и Теперь, — /Для сего, не мирясь с грехом,/Мне гореть от стыда потерь?/*(«Там и Потом», с. 70); *Яблоко всех раздоров,/Камень всех преткновений,/Если здоров, как боров,/Тема для откровений/*(«Женищина», с. 200); *И за родные горы/Стояли все горой/*(«Горец», с. 220); *Ужасный Варава не верит ушам./Христос предвкушает смертельные муки./Пилат, говоривший с толпой по душам,/Уже умывает дебелие руки/*(«Иисус и Адам», с. 119); *Ах, эти неженки-снежинки!/Едва помотришь, не дыша,/Как отлетает без заминки/Ее морозная душа/*(«Дурочке-снегурочке», с. 215); *Они лукаво строят глазки,/Грустят, смеются и бур-*

*чат;/Но если вынуть их из сказки,/Слова умрут и замолчат./*(«Словарь, слова и слово», с. 59-60).

Сравним: *поставить вопрос ребром — поставить вопрос **ребра** ребром; гореть от стыда — мне гореть от стыда **потерь**; яблоко раздора — яблоко **всех** раздоров; камень преткновения — камень **всех** преткновений; стоять горой — стояли **все** горой; говорить по душам — говоривший **с толпой** по душам; умывать руки — уже умывает **дебелие** руки; душа отлетела — отлетает **без заминки ее морозная** душа; строить глазки — **лукаво** строят глазки.* Как видим, в зависимости от авторской интенции конкретизировать описываемую ситуацию, актуализировать создаваемый образ, придать определенное впечатление от читаемого текста автором выбирается тот или иной компонент-конкретизатор в соответствии с семантической спецификой фразеологической единицы. При приеме актуализации семантика фразеологизма лишь слегка преобразуется без нарушения тождества последнего, общезыковое значение фразеологической единицы получает некоторые добавочные смысловые и экспрессивно-стилистические оттенки.

Трансформация фразеологических единиц в поэзии Хугаева — один из распространенных внутрифразовых приемов индивидуально-авторского варьирования фразеологизмов. Этот вид преобразований характеризуется признаками, подтверждающими нарушение тождества фразеологических оборотов: изменением предметно-понятийного содержания, категориальной семантики, нетождественностью образной основы.

Являясь сложными знаками, фраземы состоят из слов-компонентов, которые изначально обладают некоторыми



смысловыми ассоциативными потенциалами, смысловыми связями, носителями дополнительной или совершенно новой информации, позволяющие и помогающие поэту преобразовывать и авторски интерпретировать фразеологические единицы. Индивидуально авторские преобразования фразеологических единиц в поэзии И. Хугаева происходят в результате семантических и структурно-семантических трансформаций фразеологизмов. Нередко в поэтике Хугаева модифицированный фразеологизм выступает в роли ассоциативного элемента, при помощи которого читатель находит нужную информацию, связывая новое окказиональное выражение с исходным, узуальным: *Я не плачу оброка,/И муза налегке:/ни журавля высоко,/ни воробья в руке/* («Голос», с. 129). В данном тексте использован образ пословицы «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», который играет роль своеобразного смыслового каркаса и являет собой нормативную основу, на фоне которой и происходит трансформация фраземы. Созданное автором окказиональное «Ни журавля высоко, ни воробья в руке» создает своеобразную языковую игру и реализует новое значение — «ничего». Замена же компонента «синица», несущего элемент фразеологического значения, на другой («воробей») вносит в новое выражение сниженный коннотативный оттенок.

В других случаях поэт творчески переосмысливает фразеологическое выражение, ассоциативно связанное с фраземой-прототипом, создавая и развертывая на этой основе новую ситуативную картину. Такой прием можно охарактеризовать как «развертывание семантики узуальной фразеологической единицы». Например, на основе смысловой и

структурной трансформации известной поговорки «Умный в гору не пойдет», поэт создает новую вариацию содержательного смысла выражения, приспособленного к специфике поэтического текста: *Дурак и умный, встретив горный пик,/Высказывают разную повадку./Дурак рванет к вершине напрямик,/А умный прежде разобьет палатку./* («Повадка», с. 191-192). Прототипическое выражение, творчески переосмысленное поэтом, получает новое развитие: умный идет в гору, но осторожно, основательно подготовившись. В результате он не только покоряет вершину, но и помогает другому персонажу стихотворения — дураку: *А на заре, еще/не строив бивака,/Уже знакомую почуяв скуку,/Увидит под обрывом дурака/И крепкую ему протянет руку./* Как можно заметить, ассоциативная связь исходного выражения и его окказиональной трансформации в поэтическом тексте позволяют читателю не просто воспринимать, но и задумываться, размышлять над поднятой автором проблемой.

В поэтике Хугаева встречается прием окказионального преобразования фразеологических единиц, основанный на редукции их компонентов. Такой прием получил в лингвистике название «фразеологического эллипсиса». Анализируя лингвистические особенности индивидуально-авторского эллипсиса фразеологических единиц, А. В. Кунин определил основания для окказионального сокращения компонентов фразеологизмов: «Редуцированные знаменательные компоненты хотя и опущены, но при окказиональном употреблении настолько семантически весомы, что без их воспроизведения в сознании читающего и сгущающего понимание редуцированной фразеологической единицы

невозможно. Таким образом, редуцированные компоненты — это значащее отсутствие. Оно реализуется в контексте и вызывается не избыточностью, а стилистически маркированной экономией языковых средств, выполняющей определенное коммуникативное задание» [7, 103]. Определяющее значение при выявлении окказиональных преобразований фразем в данном случае имеет контекст: *Но слово ни разу не било в бровь;/Самое красное слово — кровь./Самое страшное слово — труп,/Смешное самое — пуп/*(«Трактат о слове», с. 158). В данном случае фразеологический эллипсис узуальной поговорки «Не в бровь, а в глаз» использован не только с целью лаконизма, но с целью актуализации компонента «не в бровь», сообщающего стихотворному тексту разговорный оттенок.

Иногда прием фразеологического эллипсиса в поэзии Хугаева сочетается со структурной деформацией фразеологических единиц: инверсией, аддицией или субституцией компонентов узуальных фразем. В результате в поэтическом тексте мы наблюдаем фразеологические сегменты, «осколки» прототипических выражений: *Виват, союз чумы и пира!/Унынье прочь, и пир горой* («Маленькая трагедия», с. 75) — использован фразеологизм «пир во время чумы»; *Ничто не коснется/Смурного ума,/Душа не проснется — /Тюрьма ли, сума* («Все равно», с. 93-94) — использована пословица «От тюрьмы и от сумы не зарекаются»; *Говорят: забудь былое;/Завтра лекарь; знай живи.../Завтра — время нежилье,/Как его ни назови/*(«Дом», с. 189) — использовано фразеологическое выражение «время лечит (лекарь)» и т.д. Как можно заметить, при окказиональном фразеологическом эллипсисе происходит интенсификация семантики

фразеологических сегментов, вносящих в контекст эмоциональный экспрессивный акцент.

Нередко И. Хугаев стремится к обыгрыванию образной основы устойчивого оборота, которое достигается при помощи особого введения фразеологической единицы в поэтический текст. Поэт, обновляя семантику фразеологизма, нередко восстанавливает первоначальное значение входящих в них слов: *Бесстыдные кошки кричат под окном,/На сердце скребут беспощадные кошки,/Котенок в ладошке, котенок в лукошке/Становится скоро изрядным скотом./Душистые сливки до срока прокисли,/Вопросы повисли, и шею свело;/Пушистые кошки, ужасные мысли.../Скорее бы, боже, уже рассвело/*(«Бессонница», с. 180). Метафорическая основа фразеологизма «кошки на сердце скребут» (состояние щемящей тоски, беспокойства), усиливается использованием дополнительных ассоциативных образов, объединенных общностью связей с метафорическим образом устойчивого сочетания: *бесстыдные кошки под окном — беспощадные кошки на сердце, маленький котенок — взрослое животное, изрядный скот*. Возникает некоторая языковая игра, основанная на синкретизме прямого и фразеологического значения, но смысловой каркас фразеологической единицы остается: *беспощадные кошки, скребущие на сердце* — это *ужасные мысли, не дающие уснуть*.

Отправной точкой в преобразовании фразеологических единиц в поэзии Ирлана Хугаева являются авторские интенции. При выборе фразеологизма автор анализирует речевую ситуацию и способность фразеологического знака быть адекватным в этой ситуации для выражения авторской мысли. При не-

обходимости поэт осуществляет трансформацию узуальной фразеологической единицы, используя ее потенциальные возможности окказионального преобразования в соответствии со своими творческими замыслами. В этой связи представляет интерес индивидуально-авторская трансформация фразеологической единицы *стреляный воробей* (опытный, бывалый человек, которого трудно провести и обмануть): *Пшеничные зерна в птичьей ловушке./Кто голоден — тот всегда и на мушке./Сытый воробей не попадет в клетку./Он просто сядет рядом на ветку./Сколько его ни зови, ни жалей./А воробышек в клетке — уже соловей. Стреляный.* («Орнитология», с. 30).

Как видим, в результате трансформации данной фразеологической единицы возникает метафорическая номинация с синкретичной семантикой (*стреляный воробей — стреляный соловей*), которая актуализирует прямое значение опорного слова фразеологического оборота и метафорическое значение, усиленное парцеллированной позицией компонента *стреляный* в последнем предложении: *А воробышек в клетке — уже соловей. Стреляный.*

Одно из самых ярких проявлений фраземики поэтического творчества Хугаева — это философская афористичность, тезисность его художественной мысли. Можно сказать, что область поэтического восприятия поэзии Хугаева неразрывна с областью философского осмысления действительности. Наряду с модернизацией общепринятых фразеологических единиц поэт использует философскую афористичность как средство для более глубокого проникновения в сознание и подсознание читателя. Философский лаконизм — это один из

способов создания поэтического текста, позволяющий кратко и в то же время емко завершить какую-либо строфу или все стихотворение. С помощью этого стилистического приема Хугаеву удается придать тексту внутреннюю законченность, а также усилить силу подтекста, расширяющую смысловую перспективу произведения. Многие стихотворения поэта представляют собой своеобразные эталоны философского лаконизма и афористичности, а ряд фраз и выражений претендуют стать крылатыми: *Кто богат — не страшится сумы,/Кто свободен — цепей и тюрьмы.../Эту смелость — подите смертьте:/Тот, кто жив, — не боится смерти!* («Степень бесстрашия», с. 217); *Повсюду зрим врага, но враг — незрим./Разрушен Карфаген — падет и Рим./Зла не прощаем, воздаем сторицей — /За добродетель не благодарим.* («Неблагодарность», с. 217); *У великих — /Жизнь и деятельность,/У безликих — /Жизнедеятельность* («Различие», с. 222); *Для досуга, пожалуй, друзей призови — /Но в труде будь всегда сам себе визави* («Визави», с. 227); *В крепость может змея пролезть./В сердце храброе — только лезть* («Нечто большее», с. 230); *Режут головы безголовые./Думают: так и надо;/ни к чему голова человеку./У самих-то нет — /и другим, дескать, лишняя.* («Безголовые», с. 216); *Поставить вопрос ребра ребром — /Такая вера стоит не много./Женищина — это дом./Мужчина — это дорога* («Порядок», с. 162); *Да здравствуют все мои друзья,/и да будут посрамлены мои недруги;/но и недруги пусть не болеют:/не велика честь иметь недругов,/разбитых недугами!* («Недрузи и недуги. Тост», с. 216); *И умника порой загложнет суд,/Хотя обычно умнику неймется./Молчанье люди золотом зовут:/Хотя не дешево, но продает-*

ся./ («Золото», с. 25); Дела ночей — /Прозрения души,/ А для очей — /Рассветы хороши./ («Прозрения», с. 31); Жалеть себя — напрасный труд./ Себя жалея, пьют и мрут./ Ох, не во благо эта блажь./ Жалей других, себя — уважь./ («Блажь и благо», с. 227); С свечой в руке легко идти,/ Не спотыкаясь о камень,/ Звезда не осветит пути,/ Зато укажет направление./ («Путь и направление», с. 17), Счастлив, кто владеет кладом — /Проклят, кем владеет клад/ («Вор», с. 96-97) и многие другие.

Для Хугаева афоризм — это прием достичь естественности в изложении мысли. Как можно заметить, философские рассуждения поэта обычно строятся на приемах контраста, на противоположных друг другу понятийных сферах, что зачастую отражается и в названиях стихотворений: «Душа и разум» (с. 129), «Жена и кокотка» (с. 229), «Да и нет» (с. 229), «Укус и искус» (с. 30), «Вчера и завтра» (с. 54), «Блажь и благо» (с. 227) и др. Представляет интерес и сама архитектура философско-афористичных поэтических текстов Ирлана Хугаева. Обычно первые четверостишия являются собой своеобразную «точку опоры», «фундамент», на котором строится последующее повествование. Они как бы включают в себя все стихотворение целиком, но в предельно сжатом виде, делая заключающий афоризм квинт-эссенцией всего поэтического текста: *Кто с языками многими знаком,/ Тот, говорят, шагает в ногу с веком./ Увы:/ Не человек/ владеет языком — /язык/ владеет человеком./ Будь сотни языков я господин — /моей душой сполна/ владеет лишь один.* («Полиглот», с. 206); *Правота еще не оправдание./ Правда — это пытка. Большие прав/ Подобаает правому страдание./ Ибо ты бессмертен, если*

*прав./ Правота еще не искупление./ Правдой соблазнятся дух и плоть./ Подобаает правому смирение:/ Правый ты всемогущ, как Господь.* («Правый», с. 156-157); *Безмозглый зверь кусает и вкушает./ А черт не ест, но только искушает./ У зверя голод и пищеваренье,/ У черта — аппетит и вдохновение./ В родстве поэты с чертом состоят:/ На языке-то мед, а в сердце яд./ У них во вкусе, изощряя чувства,/ Поднять искус до степени искусства./ У донны Анны тонкий вкус, при этом/ Сам дон Жуан, конечно, был поэтом./ Поэты искусительного сорта/ Равно родня и ангела, и черта* («Укус и искус», с. 30). Как можно заметить из примеров, Ирлан Хугаев строит свое повествование от вступительной кульминации к завершающей. Вступительная кульминация — это начальное предложение (или предложения), являющееся своеобразным афористическим зачином, а завершающая кульминация — это заключительное предложение, собственно авторский афоризм: Ср.: *Кто с языками многими знаком,/ Тот, говорят, шагает в ногу с веком./ — Будь сотни языков я господин — /моей душой сполна/ владеет лишь один./ Правота еще не оправдание./ Правда — это пытка. — Подобаает правому смирение:/ Правый ты всемогущ, как Господь./; Безмозглый зверь кусает и вкушает./ А черт не ест, но только искушает./ — Поэты искусительного сорта/ Равно родня и ангела, и черта./* Как видим, первые и последние строки создают некий афористический каркас всего стихотворения, воздействуя на воображение читателя, вызывая в нем множество разнообразных образов и ассоциаций.

Помимо создания собственных фразем-афоризмов Ирлан Хугаев стремится к семантически значимому расширению



компонентного состава уже существующих устойчивых выражений, наполняя их новым дополнительным смыслом или философским подтекстом: *Жена о муже/Тоскует дюже./Муж о жене/Тоскует вдвойне./Муж и жена — /Одна сатана./Муж без жены — /Две сатаны/*(«Сатана», с. 218); *Для того, кто утратил честь — /И бесчестья, как чести, несть./Оттого и подсудно «да»,/А на «нет» — нет и суда/*(«Да и нет», с. 229); *И умника порой загложнет суд,/Хотя обычно умнику неймется./Молчанье люди золотом зовут:/Хотя не дешево, но продается/*(«Золото», с. 25) и др.

Таким образом, отличительная черта использования фразеологических единиц в поэзии Ирлана Хугаева — большое количество трансформированных фразеологизмов. Употребление поэтом тех или иных фразеологических единиц и

характер их преобразований мотивированы речевой креативностью, характерной для языковой личности Хугаева. Наблюдается достаточно широкий спектр семантических и структурно-семантических преобразований фразеологизмов. Фразеологические единицы в поэзии Хугаева выполняют художественно-эстетические функции и являются ярким изобразительно-выразительным средством. Фраземика поэзии Хугаева глубоко афористична. Афористичность его стихов действует завораживающе на читательское восприятие, обогащает его поэзию дополнительным смыслом и глубоким подтекстом, наделяет его поэтическую речь своеобразной интонацией. Философская афористичность становится неотъемлемой частью индивидуальной поэтической традиции и стиля Ирлана Хугаева.

---

1. Мелерович А. М. Фразеологизмы в русской речи: словарь, 2-е изд. М., 2005.

2. Белякова И. Ю. Фразеологизмы как когнитивные единицы индивидуально-авторского поэтического словаря (на примере «Словаря поэтического языка Марины Цветаевой») // Фразеология и лингвистика: Материалы 1-ой Международной конференции (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2-х т./Отв. ред. проф. Н. Ф. Алиференко. Белгород, 2008. Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. С. 56-60.

3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

4. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.

5. Дашевская В. Л. Соотношение фразеологической единицы и семантики контекста, в котором они функционируют // Фразеологическая семантика в парадигматике и синтагматике. М., 1984. Вып. 226. С. 40-49.

6. Хугаев И. С. Вериги воли: книга стихов и стихий. Владикавказ, 2013. 240 с.

7. Кунин А. В. Лингвистические особенности фразеологического эллипсиса // Вопросы фразеологии. М., 1978. Вып. 131. С. 105-126.